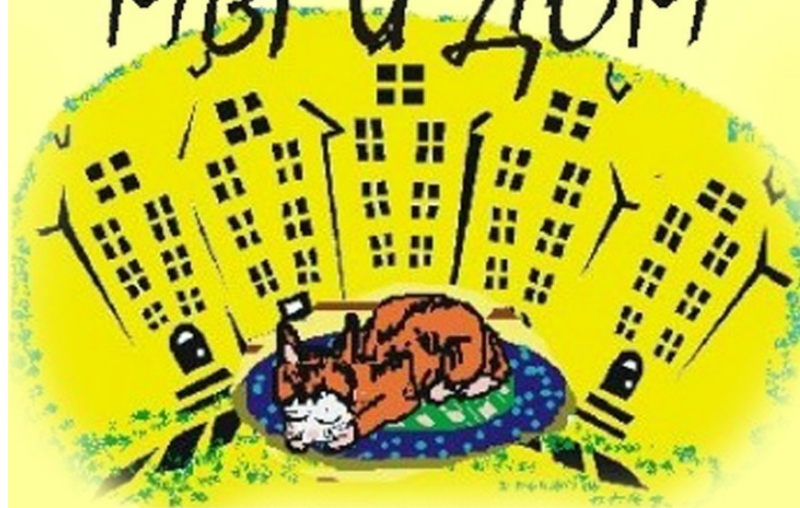

Татьяна Левченко

МЫ И ДОМ

сказка эпохи перемен

Татьяна Левченко
Мы и дом. Сказка
эпохи перемен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23098552

ISBN 9785448332562

Аннотация

Каждая сказка, добрая сказка начинается добрыми словами: «Жили-были...». Но в эпоху перемен, когда всё спутано, даже со сказками творится нечто непонятное: как поступить автору, если герои начинают вмешиваться в процесс?..

Мы и дом

Сказка эпохи перемен

Татьяна Владимировна
Левченко

© Татьяна Владимировна Левченко, 2017

ISBN 978-5-4483-3256-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почти каждая сказка, добрая сказка начинается словами «Жили-были...» или «В некотором царстве, в некотором государстве...»

Начнём и мы нашу сказку, добрую сказку этими добрыми словами...

* * *

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были...

– И-и-игз-сс-кр-р-рс-сс! К-зм! И-и-эх-хс-с-с!

*Жили-были мы, были мы, жили!
А теперь – не поймёшь, что почём:
Перестроили всё, обложжили...
Обложжили меня кирпичом...*

– Стоп, стоп! Что это?! Кто это?!

– Вот-вот: «кто это». А то: «что это», «что это». А я, судари, не «что», а «кто». Так и запишите. Да-да, записывай, записывай...

– Ах, это ты, Дом... Но... извини, я о тебе пока не пишу. Я только начинаю сказку. А каждая сказка, добрая сказка начинается добрыми словами: «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик со старухой...»

– Хс-с-с-ххс-с-с! Кэр-цз-за-и-ингз-з-с! Ерунда всё это! Какая сказка, да ещё добрая! Суровая правда жизни! Не отрывайся от действительности, милая, пиши всё, как есть. То есть: Государство – никакое не царство... ну, «жили-были» своё можешь оставить: куда деться – жили, живут и даст Бог, ещё долго проживут... и старик со старухой, и всё это шумное непоседливое семейство, и я... но смотри, чтоб «кто», а не «что». я настоятельно требую...

– Ну, хорошо, хорошо, Дом. Да я уже это и записала. Но прошу тебя, не перебивай. Потому что реальность реальностью, а Дом – «кто» может существовать только в сказке. Так понимает абсолютное большинство людей, и мы не должны уходить, поэтому от правил жан-

ра. В частности: в сказке персонаж не может обращаться к читателю или слушателю, к автору в том числе, вмешиваться в ход событий...

– То есть, как?! Я не могу ничего говорить?! Это нарушение! В нашем государстве свобода слова, а ты мне рот затыкаешь...

– Увы, приходится. Иначе не получится ни сказки, ни действительности. Я закрываю тетрадь, и – ничего-ничего писать не буду. Будем жить, как жили, и никто-никто не узнает, что есть такой Дом – «кто».

– Постой, не закрывай! Я молчу-молчу-молчу! Как это – никто не узнает?! Пиши, пиши! Хоть сказку, хоть очерк, хоть это, как его, эс-с-с-се... и-и-игз-с-с-кр-ррс-сс! Кэрзм!

...Тишина... Ну, что ж, начнём нашу сказку...

Но что-то не то получается... Сбил меня, всё-таки, Дом... Конечно, в традиционной сказке персонаж не может выходить за рамки своего действия: какая же это тогда сказка?! А, видимо, придётся...

Ну, ладно. Мы сделаем вот что. Сказка будет идти своим чередом, а если какому-либо персонажу вдруг понадобится что-то сказать, мы его на время будем выпускать из сказки. И отмечать эти места. Ну, хоть точками, или шрифтом другим...

А пока...

В некотором не-царстве, в некотором Государстве, в одном не большом, но и не маленьком Городе жила-была семья Александровых.

Это была немного странная семья: в ней всех звали Александрями. И, чтобы не путаться, каждого из них называли каким-то отдельным именем.

Дедушка – Саша. Бабушка – Шура. Папа – Саня. Мама – Санечка. Сын – Санька. И дочка – Сашка.

Жила эта семья порознь. Дедушка с бабушкой в одном конце Города, в своей квартире, а все остальные – в другом конце, тоже в квартире большого железобетонного дома.

Жили они так долгие-долгие годы. Ездили, с пересадками, на двух автобусах, друг к другу в гости по выходным и праздникам. А в остальные дни – каждая часть семьи была сама по себе. И, порою, если бабушка или дедушка прихворнут, то мама с папой, бывало, даже не узнают об этом. И наоборот. Потому что каждый считал: ерунда, мол, из-за такого пустяка ехать в другой конец города, сообщать: телефонов в нашей сказке, увы, не было. Или почти не было.

Но вот, настали трудные времена. Змей Горыныч, правда, не прилетал, и войска иноземные не грозили нашему Государству. Но что-то плохими ветрами подуло над мирным

краем. И словно выдули эти ветра из душ людских спокойствие, с лиц их улыбку смели, а из домов и квартир унесли они тепло, благополучие и надёжность ощущения ДОМА.

– Гррркссс! Иггзвзз!

– Ну, что ещё, Дом?! Разве я плохо начала нашу сказку? Почему ты опять вмешиваешься?

– Я – это... напомнить хочу... Ты, вот, о ветрах недобрых написала. А откуда они, эти ветры, пришли? Не забудь, всё в точности скажи. А то ведь не поймут люди, в чём дело. Решат, что силы недобрые их насылают. А ведь на самом деле...

– Но ведь, на самом деле – силы недобрые. Ты же прекрасно это знаешь, Дом...

– Я прекрасно знаю и другое. Что если нет щели, – в доме ли, в отношениях людей, – никакой, не то что ветер, – самый безобидный сквознячок не проскользнёт. А у тебя ведь – ужасе ветры. Серьёзно дело, значит: не щели какие-то – трещины и прорехи...

– Хорошо, Дом. Спасибо за подсказку. Я понимаю: всё это ты на себе испытал, пережил. Кому, как не тебе судить об этих вещах... Слушай! Я придумала: ты сам расскажи. Как говорят: показания очевидца, – они ведь самые верные. Кто со стороны, – может не так что-то изложить, напутать...

– Ггз-мз... Ты же говоришь – нельзя в сказке от первого

лица...

– Но мы ведь сделали уже оговорку, как будем поступать. Вот, сейчас ты, вне сказки, всё и поведаете. Давай? Начи-
най: я записываю.

– Да-а! легко сказать – начинай. А с чего начинать-то?
История ведь давняя-предавняя...

– Да расскажи просто, как у тебя всё это происходило.
– У меня? Сейчас? Да сейчас-то не очень... Вот, дав-
ненько как-то, когда меня только-только построили... Вот
это – да! Была история!

Это случилось очень-очень давно. Я говорю: хоть подно-
вили, кирпичом, вот, красным обложили... а основа, осно-
ва-то у меня, ой-ой, какая старая...

А построили меня не эти хозяева и не их родители, и даже
не родители тех родителей. Другие хозяева были тогда. Пом-
ню: большая такая, дружная семья. Дедушка с бабушкой, три
сына у них было, а у тех – у двух уже семьи были, дети малые.

Как они меня строили! Эх, как строили!.. я каждым ка-
мешком своим, каждой досочкой помню это. С любовью,
с лаской. Весёлые все были. Мужчины стены кладут, женщи-
ны раствор приготавливают. А детишки – и те: кто инструмент
подаст, кто, если силёнок хватает, – и камешек притащит.
Всё – вместе, всё – дружно. С песнями, с шутками. Старший
сын всё приговаривал: «Вот, построим свой Дом, разожжём
в нём огонь живой и заживём, славно заживём – все вместе».

Так оно и было поначалу. Но годы прошли, старики помирали. Остались три сына с семьями, с детьми. А три комнаты тогда во мне было. Тесно им уже стало всем. И вот, нет-нет, а невестки на кухне поругаются: кто не там что-то положил, чей ребёнок не то взял...

Холодком, сквознячком потянуло между семьями. Так бывает: форточка открыта, а тут дверь кто-то – настежь. И – сперва сквознячок, может, даже приятный, освежающий в душной комнате. А там, глядишь, сильнее, свежее, злее – ветер начинает по дому гулять, вещи теребить, разбрасывать. Может даже и мебель какую повалить. Сырость, холод в дом заносит, – штукатурка сыплется, половицы скрипеть начинают от влажности...

Вот так и здесь. Перерос сквознячок свар кухонных в злой, сырой, холодный ветер, ураган даже. И разметал этот ураган все три семьи. Не только между собой переругались, – кто главный хозяин в доме, но внутри семей мужа с жёнами перессорились. Дети выросли – разлетелись, кто куда. А тут беды всякие в мире пошли. Разнесло по белу свету всех их, не осталось – ни большой семьи, ни по отдельности. Куда они подевались, я уж и сказать не могу. Доживала здесь свой век младшая невестка с малой дочерью. Болела она, за домом следить сил не было. И стал я ветшать, разрушаться... Душа моя так ослабела, что чуть было не покинула меня.

Вы видели дома, которые Душа покинула? Хмурые стоят, понурые. Вот и я чуть было не стал таким.

– Дом, а как это – Душа уходит, а Дом не умирает?

– Как – не умирает?! Без Души он уже не Дом, а так, жильё, крыша над головой – и только.

– А Душа куда девается?

– К другим Домам уходит, к сильным. Сливаются с Душой такого Дома, и становится уже его.

– И не возвращается больше? Ну, если хозяева новые, или те, что ссорились, к миру придут?

– Нет, не возвращается. Это люди, живущие в доме, должны тогда новую Душу ему дать. А для этого они не только белить-красить должны, а принимать дом, как Дом, а не как жильё. Сумеют – оживёт Дом, повеселеет. Нет, – так и будет понурым и неуютным.

– Ну, хорошо, а дальше – что? и про ветер. Не может же ветер, погубив один Дом, лететь, всё Государство рушить...

– Один – не может, конечно. Но, вот так вышло – слишком много стало таких семей, допустивших, чтобы сквознячок в ураган перерос. А они, из домов вылетая, объединялись, и – пошли, пошли...

Вот и вышло, что над всем Государством недобрые ветры летают. Уже сами, не дожидаясь, пока щёлка какая откроется в том или ином Доме, рушат стены, просачиваются, где и как могут. И – холод, сырость, отчуждение несут в Дома, в семьи. Дома страдают, семьи страдают... Ты газеты почитай: разводов сколько... Всё – ветры эти: рушат семьи. Вот так-то...

А у меня как вышло. Эта младшая с дочкой жили, жили. Совсем не вмоготу им стало. Но вот, старший сын её или решил пожалеть мать, или деньги ему очень понадобились... Продали они меня, да и уехали. Я тогда уже еле живой был. Но повезло с новыми хозяевами. Те крепкой семьёй оказались. И меня подремонтировали, – все щели заделали, стены поштукатурили, половицы гнилые заменили. Хорошо стало: не ссорились они, не ругались. Тесно становилось, – кому-то новый Дом построили, – да здесь вот рядом, за углом. Или, вот, ко мне комнаты ещё пристроили, расширили. Это только напоследок уже нелады пошли. Как ни берёг, как ни удерживал, а – просочились какие-то сквознячки вредные: пошла уж размолвка. Суметь ли удержать, остановить, когда уж не как Дом меня принимают, а – жильё и только.

Обидно стало, очень обидно.

А Душа моя много приняла в себя душ Домов иных, сильная стала. Ну, и я... это... решил: не могу их остановить, так хоть хозяев сменить, пока не начал рушиться, слабость Душой.

Вот такая история, в общем-то. Понятно, нет ли?

– Спасибо, Дом. Думаю: кто хочет понять, тот и поймёт. А кому непонятно...

– Пожалеть их надо бы: значит, сильно ветры их остудили, если не поймут слов простых. Ну, ладно, ты пиши там дальше, а вернусь, пожалуй, в сказку. Всё же, ты хорошо придумала – сказку писать. Там жизнь веселей, дружней. И... по-

говорить можно. Пиши, давай.

Ну, что же, продолжим нашу сказку. На чём мы остановились? Ага, ветры задули, повыветали из домов тепло, благополучие...

– Хорошо... Постой, Дом! Я ещё одно спросить хотела. Ведь, пока ты не сказал о Душе Дома, я о ней и ведать не ведала... Слушай, Дом, ну, хорошо, в таком, как ты, доме есть Душа – её оживляет живущая в доме семья. А как же в тех, больших домах, в которых десятки и сотни семей сразу живут? Как у них, ты знаешь?

– Знать-то знаю. Но ведь тоже – рассказывать. Задерживается твоя сказка из-за этих экскурсов.

– Ничего, Дом, там, в сказке, жизнь идёт своим чередом. Но надо же узнать всё. А то, как я буду писать, не имея понятия, что на самом деле происходит. Расскажи.

– Что ж, расскажу. Пещеры людей доисторических помнишь? Первые дома, можно сказать. Как вы них селились? В одной пещере – одна большая-большая семья.

Потом дома научились строить. И опять: в Доме – одна большая-большая семья. Растёт семья – расширяется Дом.

А эти, коробки железобетонные... разве это Дома? Конечно, считается: все люди – одна очень большая семья. Но ведь только считается... На самом деле, в этих десятках и сотнях квартир живут десятки и сотни осколков са-

мых разных семей. Разве могут осколки эти создать, слепить душу Дома?! Хватает – и то, в редких случаях, какую-никакую захудалую Душу в квартире своей поселить. Да неустойчивы они: чуть сквознячок, чуть слово недоброе, гладиль – упорхнула к более сильной, надёжной. Я сам, знала бы ты, сколько их, таких, принял. Вот если бы действительно в таком большом доме, пусть в разных квартирах, жила одна большая-большая семья, или хоть бы те осколочки просто ощутили себя таковой... Дружно, вместе. И свои житейские проблемы решать, и за Домом следить... или во всём городе... в государстве...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.